

НЕРАВНЫЙ ДОМ

Сцена из первого действия

Антонина Васильевна: Присядем-ка, пока Святослава нет, поговорим.

Верочка: А что случилось?

Антонина Васильевна: Ну, что... Растет парень, можно сказать, без отца, Тамаре не разорваться... Уже готово!

Тихон Тимофеевич: Что?

Тамара Тимофеевна: Приходить поздно стал!

Верочка (оживленно): Славка! Вот так да! Ай-яй-яй-яй!

Тихон Тимофеевич: Вот растут-то, а? Батюшки ты мои! Жених!

Антонина Васильевна: Это не так уж весело.

Верочка: Но ведь возраст — ничего не подлаешь.

Антонина Васильевна: То есть, как это ничего не подлаешь?! Очень даже мы подлаем! Ты, пожалуйста, эти волности брось!

Тамара Тимофеевна: Ему сейчас совсем не об этом надо думать...

Роман Тимофеевич: Да уж... Они, молодежь, теперь приткая... Еще, не дай бог, сдуру же нится, наденет хомут, впряжется в каторгу...

Антонина Васильевна: Ты бы постеснялся, Роман, получается — я для тебя хомут, я — каторга...

Роман Тимофеевич: Извини, Тонечка, не о тебе речь...

Антонина Васильевна: Уж если хочешь знать, для кого дома каторга, так...

Верочка: А кто же она?

Тамара Тимофеевна: Не знаю... Мне всегда казалось, что Слава будет выше этого.

Тихон Тимофеевич: Ну, знаешь, выше этого нельзя быть, можно быть только ниже этого.

Антонина Васильевна: Это ты у себя на заводе такие теоремы проповедуешь?

Тихон Тимофеевич: Да ведь еще никто на свете от этого не уходил.

Тамара Тимофеевна: Что ж, по-твоему, я должна ему сказать: вот тебе ключ от входной двери, являйся, когда хочешь...

Роман Тимофеевич: Тихо, тихо! Не бушуй! Может, и не всерьез у него все это, первое-то чувство что — так, фьюты!.. Дым!

Тамара Тимофеевна: Нет, боюсь, что это всерьез. Я заговорила с ним, так он просто побледнел, по-моему, даже пошатнулся, я прямо испугалась... Он вообще какой-то... неустойчив!

Тихон Тимофеевич: Это верно — кто как: одни в его возрасте на этот крючок, как говорится, только слегка клюют, вроде играют... глядишь — и прохвост, как сладкий сон; а другие взаглут берут, намертво — на всю жизнь.

Тамара Тимофеевна: Ты меня лучше не пугай.

В пьесе «Нервный бой» мне хотелось снова коснуться вопроса воспитания нашего подрастающего поколения, но уже в несколько ином аспекте, нежели прежде. «Человек рождается два раза», — говорит один из персонажей пьесы. Вот что я хотел этим сказать: первый раз ребенок появляется на свет из утробы матери чисто биологически. И как только перерезается пуповина, через которую он питался материнскими соками, это уже человек. Второе рождение происходит в возрасте примерно 16—20 лет, когда юноша или девушка становятся взрослыми. В эти дни тоже перерезаются своеобразные пуповины, которые долгие годы духовно связывали ребенка с его учителями в широком смысле этого слова: с матерью, отцом, школьными педагогами, взрослыми вообще и т. д. И человек начинает жить своим умом, постигать жизнь своим опытом, отвечать за все сам. Мне думается, что часто взрослые, в том числе и родители, не понимают этого второго рождения и нередко продолжают вести себя по отношению к юноше или девушке так, как будто перед ними маленький ребенок. Родился новый человек — и прежде всего его надо уважать, считаться с ним, как с определенной индивидуальностью. Особенно излишнюю «деятельность» проявляют порой родители, когда к их «ребенку» приходит первая любовь. Батюшки, сколько здесь страхов. Какое немое вторжение в это святая святых приходится мне наблюдать в жизни! Вот и в пьесе Слава, племянник Тамары Тимофеевны, воспитавшей его, пришел два раза домой позднее, чем обычно. Тетна угадывает, в чем дело, и мобилизует себе в помощь родню — брата Романа, его жену Антонину, ищет поддержки и у другого брата — Тихона и жены его Верочки, приехавших к ней в гости.

Тамара Тимофеевна: Идет он! Тихон, поговори с ним — мы уйдем.

(Входит Слава.)

Верочка: Поздравляю тебя, счастливец! (Целует.)

Антонина Васильевна: Ты его не очень целуй — молодая слишком.

Тихон Тимофеевич: Поздравляю!

Тамара Тимофеевна: Пойдемте, я вам свои георгины покажу.

(Все ушли, кроме Тихона Тимофеевича и Славы.)

Тихон Тимофеевич (после паузы): Ну... как живем?

Слава: Хорошо.

Тихон Тимофеевич: Вот и хорошо, что хорошо... (Слава насторожен. Тихон Тимофеевич абсолютно не знает, с чего начать.) Помнишь, мы с тобой весной на этой лавке сидели, об университете только мечтали...

Слава: Да, да!..

Пауза

Тихон Тимофеевич: Студент, значит... Лучшее время жизни! Я когда в академии учился, хорошие ребята у нас были, боевой народ...

Слава: Сейчас тоже хорошие, я на приемных экзаменах видел.

Тихон Тимофеевич: Разные теперь...

Слава: Думаю, и тогда у вас не одинаковые были...

Тихон Тимофеевич (подумав): В общем, да. Учиться, конечно, хорошо, большое счастье. Но знаешь, Святослав, я тебе по себе скажу — работать еще интереснее. Тут твоя мысль находит конкретную реализацию. Понимаешь, своеобразное чудо: была голая мысль, ничто, без цвета, вкуса, запаха, а потом путем сложнейшего процесса, трудом сотен, а иногда и тысяч людей эта твоя мысль превращается в нечто совершенно реальное, что можно видеть, осязать, пощупать, как предмет. Допустим, корабль это или межпланетная ракета. Нет, понти-не: «В начале была мысль!» (Смеется.) Конечно, не всегда все гладко идет... Вот у нас: семьдесят четвертый завод не поставил детали, маленькие, куда меньше мизинца, а пошло сбой, чехарда получается... Виноваты в общем они... а меня вчера вызывают и... боже ты мой!.. И в общем, да! Я виноват!.. Я!.. И ты понимаешь, в чем дело: звоню я на семьдесят четвертый и говорю...

(Входит Роман Тимофеевич.)

Роман Тимофеевич: Тихон, тебя Верочка зовет. (Тихон Тимофеевич идет к жене. Роман Тимофеевич говорит ему тихо, на ходу.) Чего ты тут ему всякие свои дела выкладываешь — нашел время! Уж если сам влюбленный душень, так мальчишечку-то не сбивай... Как это ты в начальники производства выбыл — смех! Тебе курами командовать! Тихон! Иди!

(Тихон Тимофеевич ушел. В это время вышел Митя и за изгородью показался Григорий Степанович, который копается у себя на грядках.)

Митя (Славе): Видишь, я специально для твоих торжеств переоделся.

Роман Тимофеевич: Ты, Митя, поди пока отсюда.

Митя (опешив): Куда же я пойду?

Роман Тимофеевич: Не знаю. Вот хоть со всеми — цветы нюхать.

Григорий Степанович (за забором): Митя, тебя Лиза звала — загляни.

Митя: Лиза!.. (Слава.) Я сейчас! (Убежал.)

Слава: Между прочим, Митя — мой друг.

Роман Тимофеевич: Между прочим, я тебе дядя. (После паузы.) Ты, Святослав, говорят, котовать начал? (Слава не сразу понял, о чем идет речь, и удивленно смотрит на дядю.) Ну, что святое лицо делаешь — котуешь?

Слава (в нем поднимается злоба): А что вы под этим подразумеваете, дядя Рома?

Роман Тимофеевич: Ладно, не наивничай!.. Только ты эту гадость брось, слышишь?! Что молчишь?..

Слава: Дядя Рома, а почему у вас детей нет?

Роман Тимофеевич: Тебе-то что?

Слава: А вам что?

Роман Тимофеевич: Ах, вот как оборачиваешь! А потому, что я старше тебя и могу поучить уму-разуму.

Слава: Я же вас не прошу об этом.

Роман Тимофеевич (обозлываясь): А уж я как-нибудь без твоего сплосу! Ишь, каким рыцарем выставился! Для тебя это сейчас все в сладком тумане плавают, блаженно-идиотское состояние испытываешь, а мы-то знаем, к чему все это в конечном итоге приводит.

Слава: Почему вы думаете, что я, исходя из наших родственных отношений, исполняя святую заповедь — повиноваться старшим, должен выслушивать ваши скотские наставления?

Роман Тимофеевич: Что?!

Слава: То, что вы мой старший родственник, это не ваше превосходство надо мной, а моя обыкновенная житейская беда. Хорошо. Как говорит мой отец, «в жизни всякое приходится переносить», ну что ж, я перенесу и вас. Продолжайте.

Роман Тимофеевич: Зазнавшаяся ты моська, вот кто ты!

Слава: Вы знаете, вот после такого разговора с вами так и хочется сделать какую-нибудь пакость — напиться, подраться, ну, хоть сломать что-нибудь... От вас же такой безысходной тоской не сет — удавиться хочется!

Роман Тимофеевич: А ты возьми и удавься — одним хамом меньше будет!

Слава: Это ваш родственный совет?!

Григорий Степанович (появляясь над забором): Друзья-товарищи! Вы посмотрите, какой огурец вырос! (Показывает.) А? Чудо природы! А ведь почему? Я за ним особо наблюдал, он у меня подопытный... (Говоря это, он входит во двор. Роману Тимофеевичу.) Ты его рукой потрогай — какие пупенки, а? С пупенками-то самая сладость и есть! Прикинь на ладони! Полкило будет, как потвоему? А? Будет?

Роман Тимофеевич (машинально, прикидывая огурец на ладони): Грамм четыреста!

Григорий Степанович: А я тебе говорю — все шестьсот потянет. (Тихо.) Разойтись вам надо. У них, молодых, как войдет клин, так и застрянет, — тут отойти надо. Что вам свою солидность-то терять. С глупым связаться — самому дураком выглядеть. Закон.

Голос соседки: Бяшка-бяшка-бяшка! (Показалась над забором.) Граждане...

Григорий Степанович: Не видели, не видели! Ищи у других! (Соседка исчезла.) (Роману Тимофеевичу.) Идите к своим, я с ним сам, по соседски...

Роман Тимофеевич (уходя, Славе): Я тебе этих твоих грубостей не забуду!

Григорий Степанович: Нехорошо, Святослав, говорил с дядей, нехорошо! Ты злобу-то на привязи держи. Слышишь! Опасная это эмоция! (Слава молчит.) Сядь! Вот что я тебе хочу сказать... только ты не возражай мне, дослушай, а потом можешь... Ты не снисходи вниз. Понял? Ты моих сыновей Витьку и Семку помнишь?

Слава: Помню.

Григорий Степанович: Где они? Витька — вор, наказание отбывает, заслуженное и не обходимое. А почему он вор? Это он против меня такую оппозицию затеял... Не любил он меня, ненавидел... У!.. И вот — пожалуйте — выразил свой протест, вором стал! Дурацкая его голова! А ведь мог бы светлым человеком стать. Светлым-то как легко жить! Светлый-то и спит хорошо, и смеется переливчиво... Семка в молчанку играет — уехал шесть лет тому назад и молчит... Тоже, значит, протестует. Я, конечно, все о нем знаю — невелика птица!.. Невысоко взлетела, а тоже... молчит! Конечно, может быть, я неправильную политику против них вел... Только зачем же так-то свой протест выражать? Ты, дубовая голова, хорошим человеком стань, честным, — вот тебе и протест!.. А то кому же ты соли-то высыпашь?.. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Слава: Понимаю.

Григорий Степанович: И ты себя из-за грубых людей не порти!.. Отец у тебя чистый, высокий!.. Идеальный!.. Ты вообще на чистых людей смотри!.. Они тут же, вокруг ходят... Плохие-то, конечно, в глаза сильней лезут, ярче они, колоритнее... Раздражение вызывают!.. Хороший-то не пестрый... Но он высок... На него смотреть — голову-то приподнять надо!.. Ну, подними голову-то! Вот! Так... Люблю тебя, Святослав! Как будто ты мой настоящий сын! Вот за тебя я всю свою жизнь и отдавал! Уж ты, пожалуйста, не подводи меня!

Слава (улыбаясь): Огурец-то, действительно, какой громадный!

Григорий Степанович: Из-за него, подлая, самый лучший семенной подопытный сгоряча сорвал.

(Входит Митя.)

Митя: И не звала меня, — что это вы придумали, Григорий Степанович!

Григорий Степанович: Да что ты! А мне показалось...

Митя: И врет все она! Недавно мне говорила: устала, никуда не пойду, а теперь собирается, я же вижу — платье наглаживает...

Григорий Степанович: Опять уходит?

Митя: Песенки напевает... Ладно! (Пошел в дом.)

(Григорий Степанович стоит молча. Слава идет к дому.)

Григорий Степанович (после молчания): Славка, Славка!.. Как на духу тебе говорю — пади она в какой-нибудь капкан, испортись, — глотку себе перережу, да еще самым ржавым ножом. (Пошел.)

Слава: Григорий Степанович...

Григорий Степанович (остановившись): Что?

Слава: Не беспокойтесь за нее... она... (Замолчал.)

Виктор Розов

Неравный дом

В пьесе «Неравный дом» мне хотелось снова коснуться вопроса воспитания нашего подрастающего поколения, но уже в несколько ином аспекте, нежели прежде. «Человек рождается два раза», — говорит один из персонажей пьесы. Вот что я хотел этим сказать: первый раз ребенок появляется на свет из утробы матери чисто биологически. И как только перерезается пуповина, через которую он питался материнскими соками, это уже человек. Второе рождение происходит в возрасте примерно 16—20 лет, когда юноша или девушка становятся взрослыми. В эти дни тоже перерезаются своеобразные пуповины, которые долгие годы духовно связывали ребенка с его учителями в широком смысле этого слова: с матерью, отцом, школьными педагогами, взрослыми вообще и т. д. И человек начинает жить своим умом, постигать жизнь своим опытом, отвечать за все сам. Мне думается, что часто взрослые, в том числе и родители, не понимают этого второго рождения и нередко продолжают вести себя по отношению к юноше или девушке так, как будто перед ними маленький ребенок. Родился новый человек — и прежде всего его надо уважать, считаться с ним, как с определенной индивидуальностью. Особенно излишнюю «деятельность» проявляют порой родители, когда к их ребенку приходит первая любовь. Батюшки, сколько здесь страхов. Какое немое вторжение в это святая святых приходилось мне наблюдать в жизни! Вот и в пьесе Слава, племянник Тамары Тимофеевны, воспитавшей его, пришел два раза домой позднее, чем обычно. Тетка угадывает, в чем дело, и мобилизует себе в помощь родню — брата Романа, его жену Антонину, ищет поддержки и у другого брата — Тихона и жены его Верочки, приехавших к ней в гости.

Сцена из первого действия

Антонина Васильевна: Присядем-ка, пока Святослава нет, поговорим.

Верочка: А что случилось?

Антонина Васильевна: Ну, что... Растет парень, можно сказать, без отца, Тамаре не разорваться... Уже готово!

Тихон Тимофеевич: Что?

Тамара Тимофеевна: Приходить поздно стал!

Верочка (оживленно): Слава! Вот так да! Ай-яй-яй-яй!

Тихон Тимофеевич: Вот растут-то, а? Батюшки ты мои! Жених!

Антонина Васильевна: Это не так уж весело.

Верочка: Но ведь возраст — ничего не подлаешь.

Антонина Васильевна: То есть, как это ничего не подлаешь?! Очень даже мы подлаем! Ты, пожалуйста, эти вольности брось!

Тамара Тимофеевна: Ему сейчас совсем не об этом надо думать...

Роман Тимофеевич: Да уж... Они, молодежь, теперь приткая... Еще, не дай бог, слугу же, нитя, наденет хомут, впряжется в каторгу...

Антонина Васильевна: Ты бы постеснялся, Роман, получается — я для тебя хомут, я — каторга...

Роман Тимофеевич: Извини, Тонечка, не о тебе речь...

Антонина Васильевна: Уж если хочешь знать, для кого дома каторга, так...

Верочка: А кто же она?

Тамара Тимофеевна: Не знаю... Мне всегда казалось, что Слава будет выше этого.

Тихон Тимофеевич: Ну, знаешь, выше этого нельзя быть, можно быть только ниже этого.

Антонина Васильевна: Это ты у себя на заводе такие теоремы проповедуешь?

Тихон Тимофеевич: Да ведь еще никто на свете от этого не уходил.

Тамара Тимофеевна: Что ж, по-твоему, я должна ему сказать: вот тебе ключ от входной двери, являйся, когда хочешь...

Роман Тимофеевич: Тихо, тихо! Не буй! Может, и не всерьез у него все это, первое-то чувство что — так, фьють! Дым!

Тамара Тимофеевна: Нет, боюсь, что это всерьез. Я заговорила с ним, так он просто поблел, по-моему, даже пошатнулся, я прямо испугалась... Он вообще какой-то... неустойчив!

Тихон Тимофеевич: Это верно — кто как: одни в его возрасте на этот крючок, как говорится, только слегка клюют, вроде играют... глядишь — и проходит, как сладкий сон; а другие взаглот берут, намертво — на всю жизнь.

Тамара Тимофеевна: Ты меня лучше не пугай.

Антонина Васильевна: Поговори, Роман, поговори, раз отца нет...

Верочка: Как вы так можете, — не понимаю. Врываться к человеку в душу без спроса, да еще по такому тонкому, нежному делу...

Антонина Васильевна: Подумаешь, какие слова: «к человеку в душу»!

Роман Тимофеевич: Он еще и не человек, Вера Вячеславовна! Человека-то мы из него только делаем...

Тамара Тимофеевна: Идет он! Тихон, поговори с ним — мы уйдем.

(Входит Слава.)

Верочка: Поздравляю тебя, счастливец! (Целует.)

Антонина Васильевна: Ты его не очень целуй — молода слишком.

Тихон Тимофеевич: Поздравляю!

Тамара Тимофеевна: Пойдемте, я вам свои георгины покажу.

(Все ушли, кроме Тихона Тимофеевича и Славы.)

Тихон Тимофеевич (после паузы): Ну... как живем?

Слава: Хорошо.

Тихон Тимофеевич: Вот и хорошо, что хорошо... (Слава насторожен. Тихон Тимофеевич абсолютно не знает, с чего начать.)

Помнишь, мы с тобой весной на этой лавке сидели, об университете только мечтали...

Слава: Да, да!

Пауза

Тихон Тимофеевич: Студент, значит... Лучшее время жизни! Я когда в академии учился, хорошие ребята у нас были, боевой народ...

Слава: Сейчас тоже хорошие, я на приемных экзаменах видел.

Тихон Тимофеевич: Разные теперь...

Слава: Думаю, и тогда у вас не одинаковые были...

Тихон Тимофеевич (подумав): В общем, да. Учиться, конечно, хорошо, большое счастье. Но знаешь, Святослав, я тебе по себе скажу — работать еще интереснее. Тут твоя мысль находит конкретную реализацию. Понимаешь, своеобразное чудо: была голая мысль, ничто, без цвета, вкуса, запаха, а потом путем сложнейшего процесса, трудом сотен, а иногда и тысяч людей эта твоя мысль превращается в нечто совершенно реальное, что можно видеть, осязать, пощупать, как предмет. Допустим, корабль это или межпланетная ракета. Нет, поистине: «В начале была мысль!» (Смеется.) Конечно, не всегда все гладко идет... Вот у нас: семьдесят четвертый завод не поставил детали, маленькие, куда меньше мизинца, а пошло сбиться, чехарда получается... Виноваты в общем они... а меня вчера вызывают и... боже ты мой!.. И в общем, да! Я виноват!.. Я!.. И ты понимаешь, в чем дело: звоню я на семьдесят четвертый и говорю...

(Входит Роман Тимофеевич.)

Роман Тимофеевич: Тихон, тебя Верочка зовет. (Тихон Тимофеевич идет к жене. Роман Тимофеевич говорит ему тихо, на ходу.)

Чего ты тут ему всякие свои дела выкладываешь — нашел время! Уж если сам влюбленный дурень, так мальчиш-ку-то не сбивай... Как это ты в начальники производства выбился — смеи! Тебе курами командовать! Тихон! Иди!

(Тихон Тимофеевич ушел. В это время вышел Митя и за изгородью показался Григорий Степанович, который копается у себя на грядках.)

Митя (Славе): Видишь, я специально для твоих торжеств переделал.

Роман Тимофеевич: Ты, Митяй, поди пока отсюда.

Митя (опешив): Куда же я пойду?

Роман Тимофеевич: Не видишь. Вот хоть со всеми — цветы нюхать.

Григорий Степанович (за забором): Митя, тебя Лиза звала — загляни.

Митя: Лиза!.. (Славе.) Я сейчас! (Убежал.)

Слава: Между прочим, Митя — мой друг.

Роман Тимофеевич: Между прочим, я тебе дядя. (После паузы.) Ты, Святослав, говорят, котовать начал? (Слава не сразу понял, о чем идет речь, и удивленно смотрит на дядю.) Ну, что святое лицо делаешь — котуешь?

Слава (в нем поднимается злоба): А что вы под этим подразумеваете, дядя Рома?

Роман Тимофеевич: Ладно, не наивничай!.. Только ты эту гадость брось, слышишь? Что молчишь?..

Слава: Дядя Рома, а почему у вас детей нет?

Роман Тимофеевич: Тебе-то что?

Слава: А вам что?

Роман Тимофеевич: Ах, вот как оборачиваешь! А потому, что я старше тебя и могу поучить уморазуму.

Слава: Я же вас не прошу об этом.

Роман Тимофеевич (обозлясь): А уж я как-нибудь без твоего спросу! Ишь, каким рыцарем выставился! Для тебя это сейчас все в сладком тумане плавают, блаженно-идиотское состояние испытываешь, а мы-то знаем, к чему все это в конечном итоге приводит.

Слава: Почему вы думаете, что я, исходя из наших родственных отношений, исполняя святую заповедь — повиноваться старшим, должен выслушивать ваши скотские наставления?

Роман Тимофеевич: Что?

Слава: То, что вы мой старший родственник, это не ваше превосходство надо мной, а моя обыкновенная житейская беда. Хорошо. Как говорит мой отец, «в жизни всякое приходится переносить», ну что ж, я перенесу и вас. Продолжайте.

Роман Тимофеевич: Зазнавшаяся ты моська, вот кто ты!

Слава: Вы знаете, вот после такого разговора с вами так и хочется сделать какую-нибудь пакость — напиться, подражаться, ну, хоть сломать что-нибудь... От вас же такой безысходной тоской несет — удушиться хочется!

Роман Тимофеевич: А ты возьми и удавься — одним хамом меньше будет!

Слава: Это ваш родственный совет?!

Григорий Степанович (появляясь над забором): Друзья-товарищи! Вы посмотрите, какой огурец вырос! (Показывает.) А? Чудо природы! А ведь почему? Я за ним особо наблюдал, он у меня подопытный... (Говорит это, он входит во двор. Роману Тимофеевичу.) Ты его рукой потрогай — какие пупенки, а? С пупенками-то самая сладость и есть! Прикни на ладони! Полкило будет, как по-твоему? А? Будет?

Роман Тимофеевич (машинально, прикладывая огурец на ладони): Грамм четыреста!

Григорий Степанович: А тебе говорю — все шестистот потянет. (Тихо.) Разойтись вам надо. У них, молодых, как войдет клин, так и застрянет, — тут отойти надо. Что вам свою солидность-то терять. С глупым связаться — самому дураком выглядеть. Закон.

Голос соседки: Бяшка-бяшка-бяшка! (Показалась над забором.) Граждане...

Григорий Степанович: Не видели, не видели! Ищи у других! (Соседка исчезла.) (Роману Тимофеевичу.) Идите к своим, я с ним сам, по-соседски...

Роман Тимофеевич (уходя, Славе): Я тебе этих твоих грубостей не забуду!

Григорий Степанович: Нехорошо, Святослав, говорил с дядей, нехорошо! Ты злобу-то на привязи держи. Слышишь! Опасная это эмоция! (Слава молчит.) Сядь! Вот что я тебе хочу сказать... только ты не возражай мне, дослушай, а потом можешь... Ты не снисходи вниз. Понял? Ты моих сыновей Витьку и Семку помнишь?

Слава: Помню.

Григорий Степанович: Где они? Витька — вор, наказание отбывает, заслуженное и неохотное. А почему он вор? Это он против меня такую оппозицию затеял... Не любил он меня, ненавидел... У!.. И вот — пожалуйста — выразил свой протест, вором стал! Дурацкая его голова! А ведь мог бы светлым человеком стать. Светлым-то как легко жить! Светлым-то и спит хорошо, и смеется переливчиво... Семка в молчанку играет — уехал шесть лет тому назад и молчит... Тоже, значит, протестует. Я, конечно, все о нем знаю — невелика птица!.. Невысоко взлетела, а тоже... молчит! Конечно, может быть, я неправильную политику против них вел... Только зачем же так-то свой протест выражать? Ты, дубовая голова, хорошим человеком стань, честным, — вот тебе и протест!.. А то кому же ты соли-то высыпаешь?.. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Слава: Понимаю.

Григорий Степанович: И ты себя из-за грубых людей не порть!.. Отец у тебя чистый, выскокий!.. Идеальный!.. Ты вообще на чистых людей смотри!.. Они тут же, вокруг ходят... Плохие-то, конечно, в глаза сильнее лезут, ярче они, колоритнее... Раздражение вызывают!.. Хороший-то не пестрый... Но он высок... На него смотреть — голову-то приподнять надо!.. Ну, подними голову-то! Вот! Так... Люблю тебя, Святослав! Как будто ты мой настоящий сын! Вот за тебя я всю свою жизнь и отдавал! Уж ты, пожалуйста, не подводи меня!

Слава (улыбаясь): Огурец-то, действительно, какой громадный!

Григорий Степанович: Из-за него, подльца, самый лучший семенной подопытный сгоряча сорвал.

(Входит Митя.)

Митя: И не звала меня, — что это вы придумали, Григорий Степанович!

Григорий Степанович: Да что ты! А мне показалося...

Митя: И врет все она! Недавно мне говорила: устала, никуда не пойду, а теперь собирается, я же вижу — платье наглаживает...

Григорий Степанович: Опять уходит?

Митя: Песенки напевает... Ладно! (Пошел в дом.)

(Григорий Степанович стоит молча. Слава идет к дому.)

Григорий Степанович (после молчания): Слава, Слава!.. Как на духу тебе говорю — полади она в какой-нибудь капкан, испортись, — глотку себе перережу, да еще самым ржавым ножом. (Пошел.)

Слава: Григорий Степанович...

Григорий Степанович (остановившись): Что?

Слава: Не беспокойтесь за нее... она... (Замолчал.)

Григорий Степанович: Жизнь ты не знаешь... Она, жизнь-то, строга — внимания требует... соблюдения правил...

Слава: Я за Лизу ручаюсь.

Григорий Степанович: Ты? (Подождал к Славе, похлопал его по плечу.) Успокоить хочешь... Ладно... Иди... Гуляй!..

(Ушел. Слава прошел в дом. В это время выходят Тамара Тимофеевна, Верочка, Антонина Васильевна, Тихон Тимофеевич, Роман Тимофеевич.)

Верочка: Оставьте его в покое хотя бы сегодня! Роман Тимофеевич, вы были с ним так, мягко говоря, резки...

Антонина Васильевна: Ты, Веруня, в нашей семье человек новый и уж свои отметки нам не расставляй. Покойная жена Тихона, Елена...

Тихон Тимофеевич: А ты, Антонина, и живой моей жене отдавай должное.

Антонина Васильевна: Уж очень она у тебя молода, неопытна...

Верочка: Пусть так, но я преподаю и в чем-то лучше вашего знаю молодежь...

Роман Тимофеевич: Ну его к черту, этого Славу — из-за всякой дряни еще ссориться будем. Садитесь к столу, я уже опять проголодался. Свой желудок я после смерти ученым завещаю — пусть его изучают; так перемалывает! Жернова в нем, что ли, крутятся!.. (Хочет.)

(Все рассаживаются вокруг стола.)

Тихон Тимофеевич: За Славкины успехи с удовольствием выпью. Жаль, Константина нет. Тамара, зови Святослава.

(Но Слава сам быстро выходит из дома.)

Тамара Тимофеевна: Славик, иди к столу.

Слава: Тетя Тамара!

Тамара Тимофеевна: Что тебе? (Подождал к Славу.)

Слава: Дайте мне ключ от входной двери.

Тамара Тимофеевна: Что?

Слава: Я сейчас уйду.

Тамара Тимофеевна: Куда?

Слава: Мне надо.

Тамара Тимофеевна: Куда, я тебя спрашиваю? (Слава молчит.)

(Всем): Можете полюбоваться на племянника — он, видите ли, куда-то собрался и даже не хочет с нами за стол.

Слава: Я могу... минут на пять...

Тамара Тимофеевна: Нет уж, нам такого великодушного одолжения не надо! Ты останешься дома — и все!

Антонина Васильевна: Мы же, Слава, празднуем твою победу! Дела — они подождут...

Тамара Тимофеевна: Он еще ключ от входной двери потребовал.

Слава: Тетя!

Тихон Тимофеевич: Слава, ну посиди с нами пять минут — потом пойдешь!

Роман Тимофеевич: А я не хочу! Подумаешь, одолжение от какого-то сопляка!

Верочка: Роман Тимофеевич, так нельзя!

Антонина Васильевна: А ты, Веруня, уж если сама влюблена, как кошка, то помолчи... Не порти молодежь.

Роман Тимофеевич (Тамаре Тимофеевне): Хочешь, чтобы он остался?

Тамара Тимофеевна: Да.

Роман Тимофеевич (вылез из-за стола, Занавес)

подошел к Славе): Ты что, думаешь, на тебя, торо, управы нет? (Взял Славу за руку, сжал ее.) Понял?

Слава: Этот способ воздействия, дядя Рома, — самый рискованный, учтите.

Тамара Тимофеевна: Роман, отпусти его! (Роман Тимофеевич отпустил Славу.)

Роман Тимофеевич: В университет еще такого приняли! На цепину тебя надо, на Ангара, на Енисей...

Тихон Тимофеевич: Уж говори прямо — на каторгу.

Слава: До свидания.

(Ему ответили только Тихон Тимофеевич и Верочка. Слава ушел.)

Роман Тимофеевич: Да... Как говорят у нас на войне, — был бычок!

Антонина Васильевна: Уж за успехи такого шампанского не проглотишь.

(За забором появляется соседка.)

Соседка: Пропала козочка!.. Пропала! Под электричку проклятую попала — люди добрые видели!.. (Плачет. Вдруг злобно.)

Понастроили всякой своей дурацкой техники — машины, электрички, самолеты, вертолеты, на Луну собираются, а все равно толку нет! (Плачет, упав на забор.)

Тихон Тимофеевич: Вот и угоди людям! Один всю жизнь, действительно, к чему только не стремился — и на Луну, и на Марс, смысл жизни ищет, а другой — всю жизнь ищет свою козу.

(За забором показались Григорий Степанович.)

Тамара Тимофеевна: Еще этот... тут торчит!..

Григорий Степанович (к Мите, который стоял на крыльце, слушал всю сцену): Митюха! Она тебе даже краем слова не обмолвилась, куда пошла?

Митя: Нет.

Григорий Степанович: Ну, что ты будешь с ней делать! Уж два раза домой поздно приходила!.. Два раза!..

Тамара Тимофеевна: Кто? Лиза?

Григорий Степанович: Она!

Тамара Тимофеевна: Два раза!.. Лиза!.. Этого только не хватало!

Григорий Степанович: Уж чего хуже, чего! (Ушел к себе.)

Тамара Тимофеевна: Вот уж чему не бывать, так не бывать! Вот уж чего не будет, так не будет, вот уж чего не допустить, так не допустить!..

Митя: Тамара Тимофеевна, вы думаете...

Верочка: А все-таки за Славу надо выпить, товарищи! Надо! (Поднимает бокал шампанского.) Кто присоединяется?

(Все одновременно.)

Тамара Тимофеевна (про себя): Ну, до чего глупый, до чего глупый! Надо же так ничего не понимать в людях!..

Митя (пытаясь достучаться до сознания Тамары Тимофеевны): Это совсем не то, что вы думаете! Не то!

Роман Тимофеевич (про себя и в то же время всем): Бандит растет!.. В оборот его надо взять, да как следует!.. Бандит растет!..

Антонина Васильевна (так же): Воображенья-то сколько! А? Глазами-то как ошметнил-ся! А? Видели?

(Тихон Тимофеевич чокается с Верочкой.)

Занавес